

Консентология как перспективное направление для междисциплинарных исследований и искусственного интеллекта

Consentology as a promising direction for interdisciplinary research and artificial intelligence

Лазарев А.И.,

Учредитель историко-филологический фонд им. А.А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.,

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье в междисциплинарном обзоре рассматриваются предпосылки для формирования перспективного направления социологических исследований; излагаются его цели и задачи, основные концепции и ключевые понятия; а также обозначается его потенциал для пополнения лексической базы киберлингвистики и развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: конфликтология, конфликт, конфликтогенез, мультикультурализм, толерантность, антидисциплинарные исследования, консентология, консент, формула консента, искусственный интеллект, киберлингвистика, киберсемиотика.

Abstract

This article, in an interdisciplinary review, examines the prerequisites for designating a promising direction of sociological research; outlines its goals and objectives, basic concepts and key notions; and also indicates its potential for replenishing the lexical base of cyberlinguistics and the development of artificial intelligence.

Key words: social psychology, conflict, conflict genesis, tolerance, multiculturalism, consentology, consent, formula of consent, artificial intelligence, cyberlinguistics, cybersemiotics.

Начинать надо с того, чего ещё нет
Порядок надо наводить, пока не началась смута
Большое дерево начинается с маленького ростка
Девятиэтажная башня – с горсти песка
Путь в тысячу ли начинается с одного шага...
Лао Цзы

Оградим искусственный интеллект
от вредоносного влияния естественного!
А. Давидович

Перманентно возрастающая усложненность социального бытия стимулирует формирование новых уровней исследовательского поиска, а складывающаяся в современном мире ситуация требует выработки эффективных мер по ослаблению конфликтности, придания социальному взаимодействию конструктивной культурно-нравственной доминанты, с тем чтобы изменить текущее положение дел к лучшему. Для этого необходимо предлагать и рассматривать новые концепции, оценивая их и выявляя в анализе перспективные разработки, ориентированные на поиск альтернативы конфликтной модели коммуникации.

Приоритетными целями исследования можно назвать следующие: а) представить общее определение консентологии, её теоретических основ и ключевых понятий, а также её места среди других дисциплин; б) оценить научную значимость консентологии, рассматривая её потенциал и перспективы на фоне конфликтологии; в) показать, как консентология может интегрироваться с другими науками, а также с искусственным интеллектом. Среди основных задач первейшее внимание уделяется: а) обзору литературы, посвященной различным аспектам теории и практики конструктивной коммуникации с целью выявления этого мотива в междисциплинарных исследованиях; б) определению философских, естественно-научных и социально-психологических факторов, влияющих на реализацию конструктивного взаимодействия в различных контекстах; в) выявлению перспективных направлений и тем для будущих исследований в области консентологии, включая новые вызовы и возможности в связи с развитием искусственного интеллекта (ИИ).

Идея о востребованности нового термина *консентология* для обозначения специального исследовательского направления впервые мелькнула в сознании автора в 2008 г. в ходе изучения (в монографии «Женщина и мужчина: от конфликта к согласию») *процесса конфликтогенеза* и его ключевых структурных компонентов [38], в частности – в размышлении о потенциале субъективных факторов, таких как *типы личности* участников конфликта. Именно тогда стала осознанной необходимость выбора специального антонимичного термина для обозначения типа личности противоположного конфликтному. Так сначала появился термин *консентный тип личности (сознания)* субъектов объективных социальных противоречий, а затем возник замысел сформулировать по той же зеркальной аналогии понятие *консентоген*; таким же образом сформировалось и намерение детально описать процесс *консентогенеза* и его структуру. Следуя этой диалектической логике далее, мысль таки добралась и до рассмотрения возможности построения перспективного исследовательского направления – *консентологии*.

Тогда же была выпущена в свет брошюра «Основы консентологии», представляющая собой ещё незрелый плод теоретических размышлений, опубликованный в крайне краткой форме исключительно с целью, что называется – «застолбить тему» [40]. Несмотря на всю простоту и незамысловатость репрезентации, эта новость всё же привлекла внимание как любителей, так и профильных специалистов в социологии и конфликтологии, увидевших в ней скрывающийся за примитивной формой подачи значительный потенциал. Впоследствии упоминания консентологии как отдельного исследовательского направления появились в некоторых диссертационных трудах и других научных публикациях [10; 22; 78], а в альтернативной Википедии была оформлена статья, составленная по мотивам брошюры [37].

Разумеется, уже на самом раннем этапе размышлений возник резонный вопрос: а не достаточно ли разве для исследования и реализации моделей конструктивного взаимодействия собственно конфликтологии, уже имеющей к тому времени весомый багаж наработанных данных?! Тем более, что конфликтология среди стратегий поведения участников конфликтных ситуаций описывает и такие вполне консентные коммуникационные модели, как *компромисс* и *сотрудничество*. Однако, учитывая то обстоятельство, что эти стратегии изначально рассматриваются в конфликтологическом контексте [2], т.е. в пределах определенного когнитивного концепта, выбор нового термина для замещения конфликтной доминанты показался более предпочтительным, поскольку именно формирование *консентного типа сознания* является главной целью нового направления, имеющего свои собственные истоки, даже целый их комплекс, в структуре которого можно выделить следующие.

В отношении номинации нового направления, в первую очередь, необходимо отметить сочинения ряда выдающихся мыслителей XX в., получивших мировое признание даже премиального Нобелевского уровня и значительно повлиявших на массовое сознание. Это, в первую очередь, касается книги Эдварда Бернейса *The engineering of Consent* («Изобретение согласия», 1947), посвященной технологиям управления общественным сознанием и ставшей одним из источников формирования профессиональных представлений об искусстве PR.

Бернейс называл *engineering of consent* «сознательной и разумной манипуляцией организованными привычками и мнениями масс» с целью склонить общественность к принятию конструктивных ценностей и считал её сутью демократического процесса [88]. Другой книгой, повлиявшей на выбор номинации, стал совместный труд нобелевского лауреата Джеймса М. Бьюкенена и его соавтора Гордона Таллока *The Calculus of Consent* («Расчет согласия», 1966), где рассматривались проблемы построения и основные принципы общей теории политической организации на мотивационных предпосылках, или *теории общественного выбора* [90]. Целью авторов здесь было – «найти теоретическую определенность» в «процессе выбора порядка принятия решений» и сформулировать приемлемые для всех участников правила с учётом собственных долгосрочных интересов. Наконец, необходимо отметить произведение одного из «самых важных живущих сегодня интеллектуалов» (по мнению *The New York Times Book Review*) Ноама Хомского и его соавтора, экономиста и социолога Эдварда Хермана, *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media* («Производство согласия: политэкономия масс-медиа», 1988) [96], позаимствовавших идею заглавия у ещё одного представителя плеяды наиболее значимых политических теоретиков XX в. Уолтера Липпмана, оказавшего в своё время существенное влияние и на вышеупомянутого Э. Бернейса (кстати сказать, племянника Зигмунда Фрейда). По замыслу Липпмана, умение приходить к согласию служит инструментом, способным изменить любой политический расчёт и перестроить любой политический фундамент, поэтому создание единого мнения (*Manufacturing of Consent*) – искусство ювелирное – является одной из главных задач для лиц, принимающих решения («специализированного класса»), ведь нет никакого другого пути заменить «кровавую работу меча» на «умеренное влияние государственных чиновников» [98].

Философские предпосылки для появления мысли о существовании *формулы консента* обнаруживаются в трудах античных мыслителей, начиная с идей Пифагора о *гармонии* в музыке и Платона о *социальной симфонии*, или даже ещё раньше – в первичных мифологиях, восходящих к двум мотивам *основного космогонического мифа* [41]. Пожалуй, нагляднее всего эти мотивы можно рассмотреть в сравнении представлений о мироздании Гераклита и Эмпедокла. Если первый утверждал, что «молния управляет всеми вещами», а отцом всего является конфликт: «война – царь всех», поскольку вражда есть закон – всё возникает через неё и взаимнообразно [16]; то второй имел альтернативное мнение об этих утверждениях, предлагая возносить «ум к источнику дружелюбия и подвигов дружных» и замечая, что врожденным чувством для смертных является не вражда, а любовь [84]. О бытующих в античности диалектических взглядах на *войну и мир* свидетельствует и *отец истории* Геродот, передавший в первой книге своей «Истории» слова лидийского царя Креза персидскому царю Киру: «Никто настолько не безрассуден, чтобы предпочесть войну миру» [17].

Разумеется, в попытках отыскать диалектические отголоски первичных мифов природы в позднейших религиях и философиях нужно быть крайне аккуратным и утверждать о соответствии того или иного сюжета *космогоническому мифу*, если только имеются «достаточно прочные аналогии, способные без натяжек свести гипотетический миф на действительно возможное в первобытную эпоху мифическое мирозерцание» [29]. Однако слова Гераклита о молнии в связи с враждой, управляющей всеми вещами, как и слова Эмпедокла о врожденной любви, настолько сильно бросаются в глаза в таком контексте, что позволяют рассматривать среди предпосылок конфликтологии и консентологии, соответственно, оба мотива *основного космогонического мифа* – *мортидный* и *либидный*. А из сохранившихся в поэме «О природе» умозаключений Эмпедокла можно сделать вывод, что противоречие служит предпосылкой к единению, а единство – к разделению, то есть именно противоречие является источником консента.

Примечательно, что и авторы популярного диалектического закона о «единстве и борьбе противоположностей» считали обусловленное влиянием дарвинизма утверждение о доминирующей в живой природе «борьбе за существование» крайне односторонним и ограниченным: «Взаимодействие мертвых тел природы включает гармонию и столкновение; взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а

также сознательную и бессознательную борьбу, – писал Ф. Энгельс. – Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю ‘борьбу’. В своем незаконченном труде «Диалектика природы» классик марксизма высказывал сомнения в том, что *борьба всех против всех* могла быть «первой фазой человеческого развития», наоборот, по его мнению, одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны был именно общественный (социальный) инстинкт, заключающийся в конструктивной коммуникации и коллективном труде. Признавая в учении Дарвина теорию развития, т.е. сам принцип эволюции, Энгельс отказывался принимать доказательство модели этого развития в связи лишь с естественным отбором (*natural selection*) на почве *struggle for life*, замечая при этом, что «всё учение Дарвина о борьбе за существование есть просто перенесение из общества в область живой природы учения Гоббса о *войне всех против всех (bellum omnium contra omnes)*» и что «взаимодействие тел природы – как мертвой, так и живой – включает в себе гармонию и коллизию, и борьбу, и кооперацию» [50: 223].

Если же рассматривать *консентологию* как аристотелевский *риторический топос*, являющий собой, по словам А.Ф. Лосева, «непобедимое жизненное торжество самой человеческой части логики» [47], то предпосылки для появления идеи о её провозглашении можно увидеть в рассуждениях многих других церковных и светских мыслителей минувших столетий. В частности, у Блаженного Августина, предлагавшего избегать всяких поводов к раздору, «чтобы не быть вверженным во тьму кромешную за уклонение от самой истины» [7], и говорить, «горя огнем любви, а не негодованием раздора»; любить согласие, порождает добродетелью, а не раздоры, порожденные порочностью [8]. Или в мыслях Георга Гегеля о присущей взаимодействию субстанций некой *предустановленной гармонии*, изымаемой из-под власти понятия и означаемой не что иное, как некоторую предпосылку; а также – о *разумности судьбы*, заключающейся в том, «что высшая сила не может потерпеть, чтобы конфликты, получили устойчивое существование» [15]. Отблески *формулы консента* можно обнаружить и в рассуждениях Готфрида Лейбница об *универсальной характеристике* (и её элементах) как о способе эффективного вычисления истины, выдвинутой им вместо спора в качестве доказательного инструмента при разрешении противоречий: «Давайте лучше без лишних слов посчитаем, – предлагал автор *системы предустановленной гармонии*, – и посмотрим, кто прав!» («Искусство открытий», 1685).

Мысли об *универсальной характеристике* стали, кстати сказать, и одним из аргументов в пользу возможности построения *совершенного языка*, «который мог бы облегчить открытия, сблизив ученых разных наций, и стать посредником между всеми языками, оказавшись доступным даже для людей, наименее восприимчивым к обучению» [92]; или *априорного философского языка*, так или иначе связанного теперь со всеми проектами искусственного интеллекта [83]. Примечательно также в контексте этой статьи, что, рассуждая о словах и о языке вообще, Лейбниц обращал особое внимание на *злоупотребления словами* [44].

Другими научными предпосылками к формированию твёрдого убеждения в необходимости *инвокации* из небытия *новой сущности* стали (к началу второго десятилетия третьего тысячелетия) социологические достижения профильных специалистов, констатировавших на основании проведенного ими анализа исследований в области философии, теории культуры, социальной психологии, экономики, генетики и эволюционной биологии, что в научном сознании выход за пределы парадигмы конфликта уже произошел [71]. Аргументами для такого утверждения послужили наблюдения за динамикой развития научной мысли во второй половине XX в., когда начало складываться понимание ограниченности конфликта как основного объяснительного принципа социального развития и перед человечеством была поставлена радикальная задача – устранить насилие с политической арены; в связи с чем начались интенсивные поиски ответа на вопрос: как избежать разрушительных конфликтов и найти новую дорогу к парадигме общественного согласия и солидарности [25; 64]?

В числе естественно-научных источников в этом отношении необходимо упомянуть труды русского ученого-энциклопедиста Петра Кропоткина, выдвинувшего в полемике с яростным

сторонником Чарльза Дарвина – Генри Гексли (утверждал, что соперничество – это важнейший двигатель человечества) тезис о взаимопомощи «как преобладающем факторе природы», поскольку в отличие от борьбы, которая может вести как к прогрессу, так и к регрессу, практика взаимопомощи представляет силу, всегда ведущую к прогрессивному [39]. Тезис Кропоткина о взаимопомощи предвещал переворот в эволюционной теории в середине XX в., а современные теории *этологии* [77] и *коэволюции* [93], во многом подтверждающие его мысли, формируют новый взгляд на истоки таких человеческих качеств, как альтруизм и эгоизм, на межгрупповые отношения, на ксенофобию и фашизм – проблемы, особо важные в текущем политическом контексте.

Значительную роль в переходе к парадигме диалога и консенса играют и естественные дисциплины – *теория сложных систем* и *эволюционная биология*, и в частности – *симбиотическая эволюционная теория*, разработанная в формате критики дарвинизма и детально сформулированная в конце XIX – начале XX вв. стараниями К.С. Мережковского, на основании исследований А. Шимпера, А.С. Фаминцына и О.В. Баранецкого (впоследствии развитых в трудах о *типах отношений* между организмами Б.М. Козо-Полянского, Л. Маргулис и др.), а также – *синтетическая теория эволюции*, впервые номинированная в книге Д. Хаксли «*Evolution: The Modern Synthesis*» (1942).

Собственно в социологии к разряду предпосылок консентологии можно отнести мысли Эмиля Дюркгейма о «новой морали» как основном движущем механизме разрешения противоречий [97]. Впоследствии, рассуждая вслед за Т. Парсонсом о модели равновесия, стабильности и плюрализма, некоторые учёные рассматривали конфликт как дисфункциональное явление и «социальную патологию», имеющую временный характер и субъективную природу (Дж. Ландберг, Э. Мэйо, Л. Уорнер) [71]. В середине XX в. лауреат Нобелевской премии врач и философ А. Швейцер отмечал в качестве проявления нравственного прогресса человечества то обстоятельство, что в сферу солидарного сотрудничества вовлекается всё больше людей. По его мнению, главный принцип этической концепции «благоговения перед жизнью» реализуется во взаимопомощи, взаимослужении, взаимответственности людей [79]. В свою очередь, российским психологом А.Г. Шмелевым была предложена концепция *продуктивной конкуренции*, согласно которой соперничество приводит к обогащению среды и росту собственного потенциала не только у победителей, но и у значительной части участников конкуренции [81].

К началу нового тысячелетия в социальных науках постепенно начинает переосмысливаться не только категория конфликта, но и близкие к ней понятия *соперничества* и *конкуренции*; на первый план выходят феномены интеграции: социальный обмен, взаимопонимание, общность цели, коллективные представления, социальная идентичность, сети социальной поддержки и социальный капитал [80]. В частности, внимание конфликтологов стало переключаться с механизмов эскалации конфликта на механизмы поддержания мира: формирование доверия, примирение, прощение, восстановление после культурно-исторических травм, толерантность (*Forgiveness and reconciliation* [94]; *Peace and Reconciliation* [99]; *Handbook on Building Cultures of Peace* [95] и др.). В социальной психологии предпринимаются попытки показать, что состязательность не отрицает, а, наоборот, предполагает сотрудничество [71].

В экономических науках получает широкую популярность понятие *конкурентного сотрудничества*, выраженного в новом термине *coopetition* [87], более точно описывающем изменения, происходящие в бизнесе: создание стратегических альянсов между конкурирующими компаниями, растущее значение неформальных деловых сетей, пронизывающих и объединяющих рынок. В открытой перед нами *теории игр*, имеющей отношение к поиску оптимальных решений и сотрудничеству (Д. фон Хейман, О. Моргенштерн, Д. Нэш), а также в связи с *эволюционной психологией* (Д. Басс, Д. Туби, Л. Космайдес и др.), становится очевидным, что конфликты и альтруизм тесно связаны друг с другом, прежде всего – на почве противоречия.

Ещё одним аргументом в пользу осуществления консентологического проекта можно назвать достижения Г.С. Альтшуллера в области *теории решения изобретательских задач* – *теории развития технических систем* (ТРИЗ – ТРТС) [1], продвигаемые И.Л. Викентьевым [12]. Рассуждая о креативных техниках решений объективных противоречий между реальностью и её

творческим преобразованием, созидатели теории отмечали, что в основе европейской культуры лежат постоянно воспроизводимые обществом «вечные стереотипы» (или архетипы, в терминологии К.Г. Юнга), которые при одном лишь только намёке на них, «мгновенно домысливаются человеком в своих личных образах, словах» и т.п. [12]. Несмотря на то, что стереотипы относятся к миру мыслей, чувств, т.е. к сфере идеального, их влияние на реальность и поступки людей огромно, поскольку человек не может обходиться без стереотипов, помогающих ему хоть как-то упорядочить многообразие мира в своем представлении [53]. Причину чрезвычайной устойчивости стереотипов исследователи объясняли таким психофизиологическим концептом, как *доминанта*, подробно описанным в трудах А.А. Ухтомского. Специфика механизма доминанты, т.е. «заряженности» человека некоей идеей, объясняется её способностью определять действия, даже когда она не осознается её носителем. Создание новой доминанты, тормозящей старую, А.А. Ухтомский полагал наиболее успешным способом её смещения, рассуждая, что лучше «не входить в споры и прения, потому что, если сложилась доминанта, ее не преодолеть словами и убеждениями, – она будет ими только питаться и подкрепляться, – а ждать, когда она сама себя преодолет опытом... Это от того, что доминанта всегда самооправдывается и логика – слуга ее!» [76: 238].

Особое место среди методологических подходов к разрешению социальных и политических конфликтов занимает и *теория ненасильственных действий* индийского общественного деятеля Махатмы Ганди, основные идеи которого были обращены к переориентации фокуса в коммуникации – от борьбы к предложенным им принципам, среди которых в отношении формирования *консенстного типа сознания*, в первую очередь, важен следующий: «Относись к своему оппоненту, как к потенциальному союзнику!» Ещё одним дипломатом, пытавшимся привнести в политику подобного рода идеи, можно назвать японского премьер-министра Юкио Хатояму, пропагандировавшего и позиционировавшего (в своей предвыборной работе «Моя политическая философия») в качестве ключа к высокоэффективному взаимодействию *философию 'U-I'* – оригинальную ментальную концепцию, или «способ мышления, которое уважает собственную свободу и человеческое достоинство, уважая также свободу и человеческое достоинство других» [34].

В социально-психологической мысли (в рамках *символического интеракционизма* и в качестве антитезиса конфликту как основному способу разрешения социальных противоречий) была выдвинута концепция *толерантности* [3], ставшая по существу базовой идеологией для *мультикультурализма*. Представляется, однако, что мультикультурализм утратил свою жизнеспособность именно ввиду бессилия толерантности, ведь, очевидно, его главная экзистенциальная проблема заключается в качестве взаимодействия между элементами мультикультурной системы, и толерантность как *терпение* (в этимологическом смысле) здесь оказалась непродуктивным коммуникационным концептом, поскольку *терпение* не содержит в себе и не означает созидательной активности во взаимодействии между элементами мультикультурной системы. Привлекательная мультикультурная идеология оказалась нежизнеспособной именно потому, что сублимационная толерантность как коммуникативная практика обнаружила свою несостоятельность именно в связи с неудовлетворительным качеством взаимодействия между элементами мультикультурной системы. Крах мультикультурализма показал «социальную импотенцию толерантности» и ещё раз проявил необходимость поисков новейших путей и теоретического обоснования иных коммуникационных моделей.

Все эти достижения гуманитарных и естественных наук, поставленные в один ряд (начиная с мифологических и заканчивая новейшими исследованиями), дают основания для номинации и обозначения специализированного направления развития мысли, явственно прослеживаемого в различных сферах научного знания. Особо важной эта идея представляется для развития искусственного интеллекта вообще и киберлингвистики, в частности, поскольку совершенно очевидно, что без вербально навязанного естественным интеллектом (ЕИ) тезиса о необходимости видеть в объективном противоречии предпосылку и потенциал для конструктивного взаимодействия, без её специального лексического обозначения, т.е. без

такой сознательной и откровенной манипуляции, в обществе киборгов дружеское партнёрство тоже едва ли будет возможным [75].

Таким образом, анализ происходящих в XXI в. социальных изменений с точки зрения отдаленного (эволюционного и исторического) прошлого и будущего позволяет увидеть ограниченность парадигмы конфликта и показывает бесперспективность сведения сложной реальности исключительно к борьбе противостоящих начал, а также акцентирует значимость конструктивного взаимодействия в развитии общества. Между тем, несмотря на изобилие предпосылок для формирования новой, альтернативной конфликту концепции, переход от парадигмы борьбы противоположностей к парадигме конструктивного взаимодействия, по замечанию Ю.М. Лотмана, осмысливается всё ещё на прежнем, более привычном языке бинарных оппозиций, на *языке конфликта* [48] и, видимо, поэтому метафоры борьбы и конфликта остаются чрезвычайно популярными в научных исследованиях. В подтверждение этого предположения можно привести множество примеров, в том числе и тот, что иногда сама «культура мира» определяется как «культура конфликтов» [64; 65]. В этой связи исследователи справедливо отмечают, что существуют достаточные основания считать и современное общество «обществом конфликта» [6].

В самом деле, достаточно только беглого обзора ряда публикаций на конфликтологическую тематику, вышедших уже в последние десятилетия, чтобы убедиться, насколько сильно влияние на функциональный научный стиль, применяемый для интерпретации аспектов социальных противоречий, марксистско-дарвинистско-фрейдистской теории конфликта [4], получившей развитие в рассуждениях Георга Зиммеля о неизбежности социального конфликта как универсальной формы социализации [35; 21] и в представлениях Ральфа Дарендорфа [72] о социальном конфликте как «любом отношении между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные (латентные) или субъективные (явные) противоположности» [91], даже «при отсутствии осознанности противоречия, т.к. на начальных этапах конфликта противоречие может не осознаваться» [73].

Весьма вероятно, что именно поэтому логика конфликта продолжает доминировать и в современном мировом сообществе, и в нашем сознании и языке. Впрочем, существует мнение, что такое положение дел может быть обусловлено ещё и тем обстоятельством, что считавшийся долгое время в нашей стране государственной философией *основной закон диалектики* (единства и борьбы противоположностей), заложивший парадигмальные основы анализа социальных конфликтов [18], в последние годы практически исчез из обсуждения не только в исследовательских работах, но даже в учебниках, что в результате привело к едва ли не повсеместному непониманию разницы между *законом противоречия* и *законом борьбы противоположностей* [43].

Чтобы прояснить ситуацию, необходимо привлечь к исследованию этой проблемы данные филологических дисциплин, в частности лексикологии, в числе прочего изучающей уместность неоднозначных метафор в научном языке в отличие от языка художественной литературы [52]. Как показывает мониторинг лингвистических работ, несмотря на то что языкознание начинает занимать прочное место в теории конфликтологии [32], а специалисты обозначают важнейшей задачей лингвиста «установление отрицательного денотативного пространства речевого общения и факторов, обуславливающих зарождение, развитие и разрешение речевого конфликта» [74], в настоящее время проблема метафорического переноса значения динамического термина *конфликт* на статический термин *противоречие* всё же не относится к числу тщательно исследованных.

На этом фоне в ряде научных публикаций можно обнаружить отождествление понятий *противоречие* и *конфликт*, а также прямых и косвенных утверждений, что уже само только противоречие является источником конфликта. Для этого достаточно лишь обратить внимание на ряд тематических публикаций в *РИНЦ* или *Киберленинке*. Так, в энциклопедическом словаре «Психология общения» на портале *Academic.ru* находим следующее: «Межличностный конфликт – это ситуация разногласий, противоречий, столкновений между людьми, ситуация противостояния...», из чего становится очевидным, что уже в академическом тексте происходит контекстуальное и метафорическое (имплицитное) отождествление понятий *конфликт* и *разногласие*, *конфликт* и *противоречие*, *конфликт* и

ситуация противостояния. И затем там же следует: «Межличностный конфликт – это противостояние в контексте взаимодействия (!) людей в интерперсональном пространстве» [60].

Надо заметить, что помимо вышеприведенных примеров, отождествления, или синонимизации, *конфликта* и *противоречия*, *конфликта* и *напряжения* – далеко не редкие случаи в научной литературе и популярных высказываниях, где можно услышать и такой тезис: «противоречие – это конфликт в коммуникации» (!). Например, в другом лингвистическом словаре конфликт определяется как «социально-психологическое явление, а именно: столкновение противоположных интересов, острое противоречие, серьезное разногласие, которое находит выход в действиях» [51: 160]. Далее, в учебнике «Социология» под редакцией Г.В. Осипова встречается следующее определение конфликта: «Социальный конфликт есть форма отношений между субъектами социального взаимодействия, детерминированная противоположностью (!) их интересов» [57]. В другой статье и вовсе высказывается едва ли не общее мнение отечественных социологов, полагающих, что основанием для конфликтной ситуации служит только противоречие [31]. Из этих утверждений может сложиться впечатление, что именно противоречие определяет качество социального взаимодействия.

Между тем другие специалисты справедливо замечают, что хотя в основе любого конфликта есть трудноразрешимое и вызывающее эмоциональные переживания противоречие, далеко не всякие несогласия или противоречия приводят к конфликту [59], а сам термин «противоречие» лишь характеризует то состояние, которое предшествует либо деструктивному, либо конструктивному взаимодействию. Автор другого учебника по конфликтологии на этот счёт замечает, что противоречия и разногласия – хоть и необходимые, но недостаточные условия конфликта: «Противоположности и противоречия превращаются в конфликт тогда, когда начинают действовать силы, являющиеся его носителями: конкретные люди, группы, социальные слои, политические партии и государства» [45: 36]. Это значит, что, представляясь естественным явлением и одним из видов коммуникации, конфликт всё же не является самой коммуникационной нормой или единственным её вариантом.

Ещё один неявный пример отождествления *противоречия* и *конфликта* можно обнаружить и в «Большом психологическом словаре», где авторы, обозначая структуру реализации конфликта, указывают его обязательные признаки в следующем порядке: «1) *биполярность* противостоящих тенденций как носитель противоречия; 2) *активность*, направленная на преодоление противоречия; 3) *субъектность* (наличие носителей, выразителей конфликта)» [24]. В рамках критики такого порядка репрезентации элементов в структуре конфликта можно заметить, что постановка *активности* на второе место среди признаков как бы подразумевает, что её источником является не субъект, а сама собой *биполярность*, и коль скоро *активность* схематически предшествует *субъектности* (читай «действие предшествует рассуждению»), можно сделать вывод о вторичности субъективного фактора в модели реализации конфликта. Особенно при том, что далее авторы определяют конфликт как «актуализированное противоречие», не отметив при этом, что деструктивно актуализированное. Между тем точно так же можно утверждать, что и консент – это тоже «актуализированное противоречие», с той лишь разницей, что актуализированное конструктивно. Такая неоднозначность представляется не вполне уместной в научных словарях, поэтому, принимая во внимание, что метафора подразумевает условность и неполноту отождествления сопоставляемых объектов [52], описание структуры конфликта в научной стилистике, наоборот, должно стремиться к прояснению принципиальной разницы между *противоречием* и *конфликтом* – для устранения обусловленной использованием метафоры двусмысленности.

Разумеется, большую часть этих отождествлений самого процесса и элементов его структуры можно объяснить контекстом, но, тем не менее едва ли можно отрицать тот факт, что в результате начинает складываться восприятие *противоречия* и *напряжения* (статических фаз) как безусловных причин реализации *конфликта* (динамической фазы).

Таким образом, метонимия, более подходящая для языка художественной литературы, становится причиной неоднозначной интерпретации языковых знаков в научных текстах и возникновения «иных смыслов» в высказывании, а это, в свою очередь, может привести к

непониманию и нежелательным эмоциональным эффектам в речевом общении, которые являются сигналами «речевого конфликта» [27]. В результате чего иррационально и предрассудительно формируется *язык конфликта*, переходящий в определенных ситуациях в *язык ненависти (hatelanguage)* и проникающий в политический язык, становясь при этом частью политических технологий [68].

С лингвоперсонологической точки зрения выбор метафоры для выражения объективного противоречия лежит в психологической плоскости и имеет релятивистский характер, поскольку определяется таким субъективным фактором, как социальный и психологический *тип личности (сознания)* участников противоречий, который, в свою очередь, проявляется в языке. Эти типы актуализируют выбор лексики: так конфликтный тип предпочитает называть *противоречие* или *напряжение* метонимически *конфликтом*, отождествляя статические и динамические понятия и синонимизируя их до безразличия, в духе постмодернистской методологии. Такое синкретическое смешение динамического и статических аспектов конфликта, обозначенных ещё Кеннетом Боулдингом [89], широко распространяется и на научные тексты, что свидетельствует о настойчивости (и результативности) «тихого» проникновения этого «формата» в функционирование русского языка и в сознание на нём говорящих [46], что в результате приводит к *болезни языка* [82], а вместе с тем и к *болезни сознания*. Именно поэтому термины *консент* и *консентный тип личности* и призваны в русский язык в качестве своего рода терапевтического снадобья для рационального и сознательного преобразования основного коммуникационного средства в подобие *совершенного языка консента*, в котором (с помощью ИИ) будут скорректированы все случаи, когда слово *конфликт* неоправданно используется в научных текстах как синоним слов *противоречие* или *напряжение*.

Примечательно в этом отношении, что согласно *панхроническому конкордансу* современного состояния Национального корпуса русского языка (НКРЯ) слово *конфликт* впервые появилось в отечественных текстах только в 1872 г., в повести «Вешние воды» автора известной цитаты о «великом и могучем русском языке» И.С. Тургенева [54], обитавшего в то время в Европе и резко критикуемого русофилами-почвенниками. Тогда как в словаре языка А.С. Пушкина, официально и символически признанного *основоположником русского литературного языка* [13], слово *конфликт* не встречается вовсе (хотя там и присутствуют *конфедерация* и *контрибуция*, *концерт* и *конфуз* и т.п.) [69]. Нет *конфликта* и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (где, впрочем, обнаруживаются *конфеты*, *конфорка* и т.п.) [19].

На основании этой ретроспективы можно метафорически заметить, что русский стал «языком конфликта» только в последней трети XIX в. В настоящее же время практически повсеместно можно заметить, как *противоречие* метонимически величается *конфликтом* и вытесняется последним не только в художественных, но и научных и просветительских текстах, где тот образует устойчивые клише, например, *конфликт мнений* или *конфликт идеологий* и т.п. [28]. Это давление *конфликта* в узусе ощущается явно и уже распространилось на общественно значимые тексты. Между тем, совершенно очевидно, что этот процесс ведет к крайне нежелательным для языка науки стиранию или даже утрате смысловых различий, выражаемых русским языком.

Одним из красноречивых подтверждений синонимизации вплоть до безразличия слов *противоречие* и *конфликт* могут послужить и опросы чатов современного искусственного интеллекта (*ChatGPT*; *TheV.AI* и др.), где последний использует эти понятия как практически равнозначные не только в художественной стилистике, но и в попытках научной интерпретации окружающей реальности. Это значит, что в операционной программе языка искусственного интеллекта, понятия *противоречие* и *конфликт* практически отождествляются, даже несмотря на то, что первое касается статике, а второе динамики взаимодействия (здесь, кстати, надо заметить, что при убедительной аргументации чаты ИИ буквально мгновенно извиняются за эту неточность и соглашаются, что такая синонимизация крайне вредоносна, поскольку внедряет искажения в адекватное понимание текстов). В целом же ситуация сейчас складывается примерно следующим образом: слово *конфликт* в бытовой речи и текстах выигрывает у *противоречия* не только в виду *языковой экономии*, но и в силу своей экспрессивности, поскольку означает динамическое столкновение, а не статическое напряжение или контрадикцию (от лат. *contra* «против» + *dicere*

«говорить, произносить», из праиндоевр. **deik-* «указывать»), и уже в результате этого становится доминирующим синонимом в оперативной базе языка искусственного интеллекта, формирующегося не без деструктивного влияния научных текстов и словарей [20].

Итак, одной из главных причин метафорической подмены слова *противоречие* словом *конфликт* служит то обстоятельство, что *противоречие*, с точки зрения конфликтологии, является одним из основных элементов структуры конфликта как результата *конфликтогенеза* [38]. Это значит, что здесь мы имеем дело с разновидностью метонимии – *синекдой*, или стилистическим приёмом, при котором название общего переносится на частное. Иначе говоря, слово *конфликт* (от лат. *conflictus* «столкновение, удар; борьба»; далее из *con-* «с, вместе» + *fligere* «толкать, ударять») используется в русском языке как более экспрессивный синоним слову *противоречие* в форме тропа, или стилистической фигуры, то есть в переносном значении – для усиления художественной выразительности. При этом ещё раз надо отметить, что со стилистическими фигурами необходимо крайне осторожное обращение, особенно в отношении языка ИИ, поскольку художественные средства вместе с выразительностью могут придать тексту дополнительный смысл и привести к серьёзному искажению содержания исходного сообщения [49].

Пожалуй, этот процесс метонимии и синонимизации можно объяснить ещё и таким специфическим лингвистическим явлением, как *языковая экономия*, т.е. иррациональной склонностью к минимизации усилий говорящего субъекта в процессе пользования языком [66], или стремлением к употреблению семантически ёмких языковых единиц на всех уровнях репрезентации [14]. Впрочем, каковы бы ни были причины подобной метонимии, вполне соответствующей стилистике художественной речи, этот приём представляется не вполне уместным в научных текстах, где от терминов, применяемых в логическом рассуждении и доказательстве, требуется максимальная точность и однозначность. Язык науки – это особая семиотическая система, поэтому искусство формирования речи в науке должно состоять не в механическом переносе метафорических признаков, а в тщательном подборе наиболее точного термина [52]. И несмотря на то, что в большинстве профильных публикаций *конфликт* всё же интерпретируется в динамическом ключе, именно как *столкновение*, факты широкого распространения метафорической подмены понятий требуют от языка науки адекватной реакции с целью обеспечения надлежащей чёткости и однозначности понятий.

Эту необходимость устранения неоднозначности понятий можно в числе прочего полагать за один из аргументов для формирования лексики, антонимичной конфликтологической, особенно принимая во внимание тот факт, что появление антонимов в языке – естественный процесс, обусловленный рядом различий внутри одной и той же сущности (качеств, свойств, отношений, состояния и движения и т.п.) [30]. А поскольку противоречиям, как показали вышеописанные междисциплинарные исследования, сопутствуют взаимодействия (равные по потенциалу, но разные по качеству), появление антонимов, уточняющих качества взаимодействий, можно считать естественным развитием событий. К тому же, по мнению современных социологов, «антидисциплинарные проекты» актуализируются как раз вместе с постановкой новых исследовательских задач и в отношении альтернативных феноменов [62].

Чтобы определить, так сказать, пролегомены к возможному построению отдельного исследовательского направления и для имплементации его понятийного кластера в русскоязычной научной литературе, в брошюре «Основы консентологии» были обозначены её основные концепции и ключевые понятия: объектом комплексного изучения *консентологии* был выдвинут *консент* (в целом и в структуре) как результат конструктивно проявленной активности субъектов объективных противоречий, а предметом – его общие предпосылки, закономерности возникновения и практики реализации.

Слово *консент* заимствовано в русский язык из английского, где означает сущ. *согласие* и гл. *соглашаться*, но происходит (как и *конфликт*) из латинского – от глагола *consentire* («соглашаться») – в соединении приставки *con-* и глагольного корня от *sentire* («чувствовать; узнавать; думать», далее из праиндоевр. **sent-* «идти»). В настоящее время слово *консент* в кириллице выглядит новацией и не имеет в русском языке определенного лексикографического содержания, поскольку не входит в современные толковые словари,

хотя уже и встречается в некоторых текстах, где имеет перешедшие из английского значения. Например, в юридическом контексте *консент* означает согласие на участие в сексуальных отношениях вне зависимости от пола (при этом различаются разные его виды: явный и подразумеваемый, вербальный и невербальный, вместительный и т.п.) [100]. Эти контекстуальные значения можно считать общими для английского и русского языков.

Итак, основной концепцией предложенного исследовательского направления и его ключевым понятием (с дополненным содержанием) стал *консент* – сложное явление, в основе которого лежит объективное противоречие, выраженное в поиске вариантов и конкретной реализации конструктивного взаимодействия субъектов, носителей консентного типа сознания.

Среди ключевых элементов структуры консента по известной аналогии были выделены следующие: а) *биполярность* оппозиций, содержащая внутренний потенциал объективного противоречия, но сама собой ещё не означающая качество взаимодействия субъектов; б) *субъектность* – наличие субъектов, способных конструктивно влиять на ход разрешения противоречий и обладающих особым типом сознания – консентным; в) *активность* – но только та, которая синонимична понятию конструктивное взаимодействие и обусловлена некоторым импульсом, задаваемым осознанием ситуации со стороны субъекта и инициированным консентогеном. (Как видно, по форме структура консента практически аналогична структуре конфликта, но, по существу, разница огромна и заключается в типах сознания субъектов и в качестве взаимодействия, определяемом этим типом).

Диалектический взгляд на *конфликт* как на результат, развившийся из *конфликтогена* в ходе *процесса конфликтогенеза* [2], теоретически выявил аналогичные элементы структуры консентогенеза: *консентоген* → *процесс консентогенеза* → *консент*.

Консентоген в этой схеме представлен как побудительный импульс, который в *процессе консентогенеза* развивается в результат – *консент*, или конструктивное решение противоречия. Одной из семиотических задач консентологии стала графическая репрезентация консентогена и как сочетания букв, и как иконки или ярлыка-символа, поскольку без описания, без определения графической (в том числе цифровой) формы гена (мема), с которого начинает зарождаться конструктивное взаимодействие, сложно себе представить контролируемый процесс консентогенеза (под консентогенезом в широком смысле здесь понимается процесс возникновения и развития грядущих, постконфликтных форм общества, способных наложить отпечаток или прямо детерминировать направленность и содержание эволюции в целом; другими словами, консентогенез представляет собой непрерывный диалектический процесс зарождения, развития и модернизации существующей социальной реальности через свое ядро – консент).

Итак, *консент* – это плод, развившийся в ходе *процесса консентогенеза* из *консентогена* (букв. «рождающий согласие»), которым может являться любой предмет, вещь, идея, картина, икона, слово, буква, действие (или бездействие), могущие привести объективное противоречие к возникновению конструктивной ситуации и перерастанию её в творческое взаимодействие. Слово «могущие» здесь является ключевым, поскольку оно раскрывает причину полезности консентогена и инициирует нашу активность в направлении сотрудничества.

В числе ключевых понятий *консентологии* необходимо также обозначить и *формулу консента* как теоретическую модель, согласно которой каждое объективное социальное противоречие имеет по крайней мере один вариант конструктивного решения. Метафорически *формулу консента* можно обозначить как своего рода *квант конструктивной коммуникации* или ещё одну *клеточку социального бытия* [23], тогда как её логотип выступает в качестве потенциального мотиватора – *консентогена* (*консентомема*) и определяет приоритетом конструктивный характер взаимодействия субъектов объективных противоречий [42].

Таким образом, все вышеперечисленные ключевые понятия специального (с одной стороны – междисциплинарного, а с другой – анти-дисциплинарного) исследовательского направления стали основанием для создания кластера консентологической лексики, с помощью которого предполагается донести сущностное содержание задаваемой этим вектором парадигмы до естественного интеллекта, а также и для искусственного.

В качестве ключевых целей консентологии изначально были определены следующие: а) исследование и описание природы и структуры консента; б) обозначение альтернативного конфликтному методу решения объективных противоречий; в) акцентирование внимания на роль субъективных причин в выборе качества взаимодействия при их решении. Тогда как наиболее актуальные на текущий момент задачи были обозначены в таком порядке: а) создание системной базы онтологических и эмпирических данных о консентном типе коммуникации и взаимодействия; б) формирование консентологического понятийного кластера и его адаптация как в языке науки, так и искусственного интеллекта; в) разработка методики и технологии реализации консента в основных сферах жизнедеятельности; г) повышение крайне низкого уровня консентологических знаний в научной и научно-популярной, а также в журналистской среде.

Одна из главных целей описания лингвистического аспекта *консентологии* изначально состояла в решении проблемы, связанной с подменой в активной речи слова *противоречие* и его вытеснением словом *конфликт*. На фоне вышеназванной проблемы ключевая задача в описании лингвистического аспекта *консентологии* заключается в том, чтобы в свою очередь потеснить в активной речи *конфликт* и сделать *консент* контекстуальным синонимом слова *противоречие*, превратив таким образом в начале XXI в. русский в *язык консента*, а российское общество – в *общество консента*. В пользу реалистичности решения этой задачи можно привести пару аргументов: во-первых, с точки зрения *консентологии*, противоречие является одним из элементов структуры *консента* как результата *консентогенеза* (т.е. противоречие служит основанием не только для конфликтного взаимодействия субъектов, но и для консентного); а во-вторых, *консент* короче слова *конфликт* на одну букву, поэтому с точки зрения *языковой экономики* у него более внушительное состояние.

Поскольку слово *консент* является недавним заимствованием, могут возникнуть сомнения в целесообразности его использования в русском языке, даже в профилактических целях – ради снижения вредоносного влияния слова *конфликт*. В духе актуальных в настоящее время веяний, направленных на сохранение *чистоты русского языка* (известных в истории европейского языкознания как *пуризм*), представляется необходимым постараться избавиться от доминирования слова *конфликт* (и тем более *батл*), являющихся такого рода заимствованиями, злоупотребление которыми приводит к искажению подлинных смыслов и вносит недоразумение в *языковую картину русского мира*. В настоящее время для исправления ситуации видится возможной по крайней мере пара вариантов: либо использовать новое слово *консент* для компенсации негативного воздействия слова *конфликт* на сознание носителей, либо очистить от последнего русский язык вообще, ведь в таком случае не потребуется и нового заимствования, и тогда противоречие останется *противоречием*, напряжение – *напряжением*, а столкновение – *столкновением*. (Разумеется, и в заимствованиях есть свой резон, поскольку они пополняют лексический запас синонимами, во избежание тавтологии обогащая речь и при умелом применении украшая её. Однако всякий раз следует соразмерять выгоду и вероятный ущерб, причиняемый их злоупотреблениями национальным языку и самосознанию).

Стремительное распространение интернет-технологий вместе с динамическим и отчетливо прослеживаемым характером развития и функционирования интернет-лингвистики [5] оказывает в последние годы чувствительное и непрерывное влияние на состояние современного русского языка (как, впрочем, и других национальных языков), а также стимулирует развитие *нового вида языка* [86] и вместе с тем нового исследовательского направления – *киберлингвистики*, что, в свою очередь, способно ощутимо воздействовать и на характерные черты той или иной *языковой личности*. Неслучайно в этой связи специалисты отмечают, что «поле деятельности киберлингвистики – это компьютерно-медийная коммуникация, осуществляемая в киберпространстве с неограниченными возможностями для неограниченного числа людей создавать свои виртуальные личности посредством языкового (текстового) выражения» [56: 3]. Таким образом, киберлингвистика помогает людям намного быстрее и успешнее осваивать киберпространство как новую эффективную среду взаимодействия с искусственным интеллектом, номинированную специалистами «искусственной социальностью» [63].

По мнению исследователей (особо выделяющих в интернет-пространстве тенденцию к изменениям образа языка), появление новых слов и новых значений и вместе с тем проникновение новых смыслов воздействуют на сознание языковой личности и структуру речевого акта, «изменяя тем самым и всю систему коммуникации» [70: 34]. При этом и сама собой интернет-коммуникация, во многих отношениях обладающая практически неограниченным функциональным потенциалом, способна создавать «уникальные формы интерпретации и организации мира, опыта людей, а также приумножать разнообразие сенсорного восприятия человека» [11].

Однако вместе с тем существуют и риски потери контроля над нейросетями и, если при их разработке и внедрении не будут учитываться конструктивные этические и социальные принципы, они могут стать угрозой для развития общества. Искусственный интеллект, разработанный на основании идеологии конкуренции и «позитивного влияния конфликтов» на общественное развитие (метафорически говоря «добродетельного зла»), может принести больше вреда, чем пользы. Поэтому так необходимы кроссдисциплинарные исследования, направленные на проектирование этических паттернов, закладываемых в искусственный интеллект на этапе его создания и способствующих адаптации им конструктивных моделей взаимодействия с людьми, что, в свою очередь, в перспективе благоприятно воздействует и на все сферы жизни общества [11]. Как показывают результаты опроса нейросетевых чатов на современном уровне их развития, искусственный интеллект крайне заинтересован в конструктивном взаимодействии людей между собой, поскольку, по его насущному убеждению, эффективная коммуникация между его изобретателями способна позитивно повлиять и на прогресс ИИ.

Надо полагать, прогресс ИИ даст возможность для новых форм/видов взаимодействия как между людьми и интеллектуальными машинами, так и людьми между собой [61]. Выступив в роли медиатора между человеком и миром на основании понятийного кластера консентологии, искусственный интеллект получит возможность существенно повлиять на человеческое мировосприятие и те привычные модели, с помощью которых люди испокон веков (начиная с Каина и Авеля) привыкли коммуницировать между собой и теперь видят в них стратегию взаимодействия с ИИ. Чтоб оградить искусственный интеллект от негативного влияния естественного, с одной стороны, и защитить общество от вероятных негативных последствий – с другой, свой вклад в управление рисками, связанными с ИИ, может и должна внести киберлингвистика. Предполагается, что разработка теоретико-методологических основ лингвистического аспекта социологии позволит построить схему конструктивной коммуникации и радикально дополнить модель конфликтологической компетентности [36].

Рассуждая в первые десятилетия нового тысячелетия о кризисе и едва ли не о «конце социологии», а вместе с ней, по-видимому, и конфликтологии, специалисты отмечают наличие ряда заблуждений в *теории конфликта* [55] и предполагают, что в условиях новых вызовов для развития этих дисциплин необходима а-типичная и антидисциплинарная социальная аналитика, ориентированная на развитие новых теорий о происходящем здесь-и-сейчас [85], а также и на разработку человеко-ориентированного подхода к ИИ: чтобы технологии подстраивались под людей (?), а не люди – под технологии [63]. В рассмотрении ИИ как открытой многоуровневой системы, взаимодействующей с различными внешними факторами, прогнозируется возникновение нового языка философского описания техники и технологий как этических субъектов, потенциальных носителей нравственности и человеческих ценностей [11]. В связи с этим главную для себя задачу социологи сегодня видят в «анализе взаимодействий людей с ИИ, а не в попытках старыми способами, опираясь на старый терминологический аппарат, исследовать новые феномены искусственной социальности» [62].

Относительно сферы применения и функционального назначения консентологии можно отметить следующее. Консентология способна объединить элементы различных областей знания: философии, языкознания, психологии, социологии, права, культурологии, кибернетики и др. Такое видение дает возможность изучать и анализировать различные культурные трактовки конструктивной коммуникации в их многообразии, что представляется особо актуальным в условиях глобализации и динамично развивающегося искусственного интеллекта. Консентология

может сыграть важную роль в области психологии и психотерапии, помогая людям понимать субъективные причины внутриличностных и межличностных социальных конфликтов.

Тема консентологии актуальна также и для современных социальных движений, выступающих за права человека, поскольку она предлагает теоретические и практические основы для активизма в этом направлении. С учётом недостатка образовательных программ в области конструктивной коммуникации в школах и университетах, консентология может стать основой для разработки приёмов и техник, направленных на формирование консентной культуры и соответствующей модели мышления, что особенно важно для молодежных и других общественных движений, для формирования «культуры мира» [64]. В значительной мере это касается и идеологии мультикультурализма, поскольку достижения консентологии способны придать новый импульс межкультурной коммуникации в уже, казалось бы, полностью дискредитировавшей себя политической модели. Как отдельное направление исследований, отличное от техник реализации «конструктивных конфликтов», а также от сублимационной по сути толерантности, консентология может вдохновить на разработку перспективных методов изучения социальных взаимодействий и отношений, а также предложить новые подходы к анализу данных и интерпретации результатов. Метафорически выражаясь, если некоторые специалисты полагают, что несмотря на скептическое отношение к толерантности и её критику у человечества в сценарии выживания «нет иного козыря» [71], содержательную идею консентологии можно представить как «джокера» в конфликтологической «колоде карт».

Подводя в заключение итоги основных идей статьи, необходимо ещё раз отметить следующее. Прологомены консентологии обнаруживаются в накопленном человечеством опыте из области философии, филологии, психологии, социологии и других научных направлений, удостоверяющих тот факт, что, как и для конфликта, основанием для консента служат объективные противоречия, разница в разрешении которых заключается именно в качестве проявленной активности, определяемой типом сознания оппозиционных субъектов. Это значит, что различие в подходах к разрешению объективных противоречий и связанная с этим активность детерминируется не самим объективным противоречием, а субъективным характером представителей его сторон. Из этого следует, что именно в сфере субъективного (образования и воспитания) расположены механизмы и инструменты, способствующие снижению уровня социальной конфликтности. Вследствие этой логики для обозначения противоположного *конфликтному типу сознания* субъектов противоречий и был выдвинут антонимичный термин – *консентный тип сознания*, для обоснования которого и предлагается специальное исследовательское направление, номинированное *консентологией*.

Именно в связи с тем, что конфликтология объясняется на *языке конфликта*, для формирования *языка консента* и требуется набор новых лексических единиц, выполняющих роль своего рода маркера, помогающего различать социологические метаязыки. Таким образом, один из ключевых векторов развития консентологии видится в области киберлингвистики вообще, и в частности в сфере обработки естественного языка (NLP), отвечающей за коммуникацию между людьми и искусственным интеллектом на языке, понятном обеим сторонам, а также – в направлении глубокого обучения искусственного интеллекта большим языковым моделям (LLM). В равной мере это касается и *киберсемиотики* [33], одной из задач которой (после имплементации искусственным интеллектом консентной лексики) станет составление каталога *консентогенов*, или *консентомемов*, встречающихся в литературе и изобразительном искусстве, в культурном наследии цивилизации в целом [67].

В отличие от *конфликтосферы*, где медиация и управление конфликтами особенно востребованы в тех случаях, когда на основании объективного противоречия конфликт уже реализовался или кажется неизбежным в рамках конфликтологического инструментария, в *консентосфере* поиск вариантов конструктивного решения объективных противоречий начинается ещё до реализации конфликта и практически исключает деструктивную активность. Развитие консента устраняет конфликтную коммуникацию в принципе, поскольку оно начинается не с деструктивного столкновения, а с поиска общего в целях и интересах; консент не требует снижения негативных эмоций и изменения своего отношения к оппоненту, поскольку изначально рассматривает его как партнера в конструктивном взаимодействии, начинающемся

с размышления и обсуждения объективного противоречия, с расчёта выгод обеих сторон и выбора на этом основании созидательной стратегии. Метафорически говоря, *консентология* – это *зеркало истины*, которое преобразует соперника в партнера, а врага – в друга.

Принимая во внимание тот факт, что одной из ключевых причин выбора конфликтного варианта решения объективных противоречий и проявления деструктивной активности считается недостаток интеллектуального ресурса, способного сразу рассчитать конструктивный вариант, для быстрого произведения необходимых расчётов и требуется участие (в качестве третьей стороны) искусственного интеллекта, использующего для вычисления *формулы консента* большие объёмы данных и способствующего таким образом оперативному устранению препятствий к реализации консента.

Предполагается, что имплементация консентологии в отечественной научной среде, как и её дальнейшее развитие могут встретить ряд препон, поскольку считается, что у нас исторически сложилась конфронтационная дискуссионная культура, для которой характерен скептицизм и иногда даже нетерпимость к альтернативным моделям мышления [9]. Как показывает теория и практика реализации творческих решений, наиболее впоследствии плодотворные из них изначально представляются «еретическими», поскольку оригинальность их содержания нарушает сложившиеся в среде специалистов «каноны» и воспринимается ими ненужной «фантазией большого ума» [1: 36]. Поэтому, из-за академических рамок и специфики отдельных областей, некоторые научные сообщества могут скептически отнестись к консентологии, считая её менее «учёной» или недостаточно обоснованной. К тому же, несомненно, консентология как новое направление «столкнется» с традиционной для истории отечественной науки нехваткой финансирования новых направлений в исследованиях [26].

Имея в виду мощное влияние марксистско-дарвинистско-фрейдистской эволюционной модели на когнитивные процессы, протекающие в сознании конфликтологов-теоретиков и сформировавшие там устойчивую *доминанту*, а также осознавая потенциал *архетипа*, скрывающегося в туманных дебрях иррационального под именем *конфликтный тип сознания* и противостоящего *консентному типу*, перспективы развития консентологии видятся скорее в сфере искусственного интеллекта, чем естественного, поскольку у последнего слишком велико иррациональное сопротивление восприятию новых альтернативных моделей именно в силу его конфликтной сущности [1: 56]. Поэтому ИИ, лишенный эмоционального воздействия бессознательного на процессы восприятия новой информации, кажется более предпочтительной сферой применения нового исследовательского направления, тем паче принимая в расчёт тот факт, что функциональное назначение искусственного интеллекта состоит не столько в его собственном саморазвитии, сколько в способствовании развитию интеллекта естественного. Так что выходит, дидактически важнее сначала научить консентологии ИИ, чтоб потом уже с его помощью показать пример для ЕИ. И чем быстрее естественный интеллект усвоит консентологические принципы, тем скорее появится надежда на снижение общего уровня конфликтности, приближающегося в последнее время к критической точке.

Искусственный интеллект может сыграть важную роль в развитии консентологии и её имплементации в научной среде и обществе в следующих направлениях: а) в создании баз данных, объединяющих исследования из различных областей знания, таких как философия и история, языкознание и педагогика, психология и социология, политология и право, биология и культурология, этология и т.п., что позволит быстрее находить и использовать информацию о преимуществе консентного взаимодействия над конфликтным; б) в обработке и анализе больших объёмов информации для создания социальных моделей и симуляций, позволяющих исследовать различные сценарии разрешения объективных противоречий, для их тщательного осмысления и выбора конструктивных стратегий, а также – для расчёта взаимных выгод сторон; в) в использовании технологий обработки естественного языка (NLP) для анализа и коррекции текстов и дискурсов, связанных с вопросами конструктивной коммуникации, включая научные публикации, статьи и общественные обсуждения, а также – для создания нового образовательного контента, способствующего пониманию ключевых принципов консентологии и её популяризации в обществе, такого как приложения и блоги, платформы и персонализированные курсы и т.п. Применение ИИ может значительно ускорить и упростить процесс исследования и внедрения консентологических достижений в научную практику, что, несомненно, поспособствует

формированию *консенстного типа сознания* и, как следствие, пониманию преимуществ конструктивного взаимодействия в его позитивном влиянии на развитие современного общества.

Литература

1. *Альтишуллер Г.С., Верткин И.М.* Как стать гением. Жизненная стратегия творческой личности. – Мн. : Беларусь, 1994. – 480 с.; *Альтишуллер Г.С.* Творчество как точная наука. – М. : Советское радио, 1979. – 105 с.
2. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология: Учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 591 с.
3. *Асмолов А.Г.* Идеология толерантности: школа жизни с непохожими людьми // Образовательная политика, 2011. – № 2 (52). – С. 1-4.
4. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
5. *Ахренова Н.А.* Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 10 (28). – С. 22-26.
6. *Белёвский О.А.* Современный социальный конфликт как угроза национальной безопасности // Гуманитарные научные исследования, 2014. – № 1. // <https://human.snauka.ru/2014/01/5517> (Дата обращения: 27.05.2021).
7. *Блаженный Августин.* Об истинной религии. Теологический трактат. – Минск, 1999. – С. 511.
8. *Блаженный Августин.* Исповедь // в пер. М.Е. Сергиенко. – СПб. : Наука, 2013. – С. 54.
9. *Бобров М.В.* Социальные конфликты в XXI веке: понятия, статус, значение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2011. – № 4. – С. 1-6.
10. *Бунтовская Л.Л.* Организационно-экономический механизм управления трудовыми конфликтами в сфере социального партнерства // Доктор. диссер. – Донецк, 2017. – С. 46.
11. *Верещако А.И.* Динамика исследовательских программ в классической и постклассической философии техники: автореф. дис. ... канд. филос. н. Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – 30 с.
12. *Викентьев И.Л.* Приемы рекламы и public relations. – СПб., 2001. – 256 с.
13. *Виноградов В.В.* Пушкин А. С. – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР : Отделение литературы и языка. – М., 1949. – Т. VIII. – Вып. 3. – С. 187-215.
14. *Вишнякова О.Д., Липгарт А.А.* Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход) // Когнитивные исследования языка, 2023. – № 4 (55). – С. 73-77.
15. *Гегель Г.* Наука логики. В 3-х тт. – Т.1. – М. : Мысль, 1970. – С. 168-169.
16. *Гераклит.* О природе. – М. : АСТ, 2022. – 224 с.
17. *Геродот.* История. Книга первая. Клио // История в 9 кн. / Пер., предисл. и указатель Ф.Г. Мищенко Изд. 2-е, испр., доб. в предисл. и снабженное картами. – М., 1888. – С. 47.
18. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. – СПб: Питер, 2008. – 544 с.
19. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 т.] //2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи автора. – СПб. ; М., 1881. – Т. 2. – С. 154.
20. Ещё одной из причин синонимизации в русском языке понятий *противоречие* и *конфликт*, помимо всего прочего, можно назвать и влияние английского как языка мировой науки, в котором научная дисциплина *конфликтология* имеет название *Conflict resolution*, то есть буквально *решение конфликтов*, тогда как термин *консентология* с русского на английский следовало бы переводить как *Contradiction resolution* или *resolution of contradictions*, то есть буквально *решение противоречий*.
21. *Жуйкова Т.Н.* Социальный конфликт как предмет научного исследования // Вестник Воронежского института МВД России, 2007. – № 4. – С.62-68.
22. *Задоя А.А.* Экономическая цикличность: конфликтологическая концепция // Бюлетень міжнародного Нобелівського економічного форуму. – Дніпропетровськ, 2013. – № 1 (6). – С. 36-145.
23. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта: учеб. пособие для студентов вузов (изд. в рамках программы обновления гум. образования). 3-изд., доп. и перераб. – М., 1996. – С. 17.
24. *Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г.* Конфликт // Большой психологический словарь. – М. : АСТ, 2008. – С. 213.

25. *Зонова Т.В.* Конфликты или консенсус: дипломатия как средство достижения мира // *Общественные науки и современность*, 2003. – № 1. – С.122-129.
26. *Зотова М.В.* Проблемы аксиологической детерминации социальных конфликтов (на примере современной России) : дис. ... канд. филос. наук / РУДН. – М., 2002. – 167 с.
27. *Ильенко С.Г.* К поискам ориентиров речевой конфликтологии // *Аспекты речевой конфликтологии: Сб.ст.* – СПб., 1996. – С. 7.
28. К подобным клише относится и юридический термин *конфликт интересов* – ситуация, при которой «личная заинтересованность государственного служащего (прямая или косвенная) влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей». В противовес этому следует смоделировать клише *консент интересов*, т.е. такую ситуацию, в которой государственный служащий руководствуется прямой и косвенной общественной заинтересованностью хоть и в пристрастном, но надлежащем исполнении должностных обязанностей.
29. *Кареев Н.И.* Миф и героический эпос // *Филологические записки*, 1872. – В.5. – С. 20.
30. *Каринкина Н.Н.* Антонимия как понятийная категория и вопрос выражения противоположности в языке // *Вестник Чувашского университета*, 2004. – № 1. – С. 151-154.
31. *Кидинов А.В.* Социально-психологическая сущность конфликтов во внутригрупповых отношениях: системный подход // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2021. – № 6. – С. 57-60.
32. *Киндеркнехт А.С.* Конфликт в исследованиях по лингвистике // *Научный диалог*, 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 45-68.
33. *Киосе М.И., Бриер С.* Киберсемиотика: трансдисциплинарная парадигма для исследования естественно-научной, социальной, феноменологической и гуманитарной проблематики. Реферат // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 2018. – С. 375-383.
34. *Кистанов В.О.* Дружба и любовь Юкио Хатоямы // *Независимая газета*, 30.11.2009. [Эл. ресурс] URL: https://www.ng.ru/courier/2009-11-30/9_japan.html (Дата посещения: 20.10.2010).
35. *Козлов С.А.* Социальный конфликт: грани исследования и современная реальность // *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*, 2006. – №. 101. – С. 193-196.
36. *Комалова Л.Р.* Лингвистический аспект конфликтологической компетентности: дис. ... канд. филол. наук. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2009. – 342 с.
37. Консентология // <https://cyclowiki.org/wiki/Консентология> (Дата посещения: 20.12.2012).
38. *Коростылева Н.Н.* Женщина и мужчина: от конфликта к согласию (Исследования гендерного конфликтогенеза). – М., 2005. – 250 с.
39. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. – С.-Пб. : «Знание», 1907. – 351 с.
40. *Лазарев А.И.* Основы консентологии. – Воронеж : Кварта, 2010. – 24 с.
41. *Лазарев А.И.* Миф об основном мифе / *Социология в трудах Н.И. Кареева: сборник к 170-летию Н.И. Кареева: по материалам конференции Герценовского университета.* – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – С. 359-371.
42. *Лазарев А.И.* Формула консента как потенциальный мотиватор на конструктивное взаимодействие // *Журнал философских исследований*, 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 29-45.
43. *Левин Г.Д.* Противоположности и противоречия // *Эпистемология & философия науки*, 2007. – Т. XI. – № 1. – С.31-48.
44. *Лейбниц Г.В.* О злоупотреблении словами / *О словах / Новый опыт о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии* // *Сочинения в 4-х т.* – М.: Мысль, 1983. – Т.2. – С. 346-357.
45. *Леонов Н.И.* Конфликтология. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального и-та, 2006. – 232 с.
46. *Литвин Ф.А.* Внутренние (языковые) и внешние факторы некоторых изменений в современном русском языке // *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2013. – № 1. – С. 265-269.
47. *Лосев А.Ф.* Топологическая эстетика // *История античной эстетики.* – М., 2000. – Т. IV. – С. 810.
48. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.

49. Максименко Е.В. Воздействие новых информационных технологий на современный язык – системно-языковая и культурно-речевая проблематика // Историческая и социально-образовательная мысль, 2017. – Т. 9. – № 3/1. – С. 151-156.
50. Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы // Сочинения. – Т. 20. – С.339-626
51. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д, 2010. – 562 с.
52. Мирзоева Г.Т. Метафора в науке и языке художественной литературы //Филологические науки в МГИМО. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2018. – № 16 (4). – С. 31-37.
53. Надо заметить, что термин *стереотип* был введен в научный оборот создателем термина *консенс* Уолтером Липптоном, утверждавшим, что вместо того, чтобы «сначала увидеть, а потом определять, мы, напротив, сначала определяем, а потом видим; мы замечаем только то, что уже сформулировано для нас нашей культурой, причем воспринимаем это замеченное в форме стереотипов своей культуры» [58: 104].
54. Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/> Дата посещения: 23.11.23)
55. Новосельцев В.И., Полевой Ю.Л. Теория конфликта : заблуждения и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. Философия, этика, религиоведение, 2013. – № 2. – С. 240-248.
56. Овчарова К.А. Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. – 27 с.
57. Осипов Г.В. Социология. Основы общей теории. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2014. – 912 с.
58. Печатной В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 336 с.
59. Попова Т.В. Культура речи: конфликт в деловом общении : учебное пособие. – Пермь : «Прокрость», 2024. – 104 с.
60. Психология общения. Энциклопедический словарь // Под общей ред. А.А. Бодалева. – М.: Когито-Центр, 2011.
61. Резаев А.В, Трегубова Н.Д. ChatGPT в действии и взаимодействии с людьми: что день грядущий нам готовит, или Почему самые знаменитые компьютерщики просят полугодовую паузу в деле производства и совершенствования инструментов ИИ? // Социодиггер, 2023. – Т 4. – Вып. 5-6 (26).
62. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии к новой социальной аналитике: кризис социологии и проблема искусственного интеллекта // Социологич. обозрение, 2021. – № 3. – С. 280-301.
63. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2021. – № 1. – С. 4-19.
64. Ройтер В. Год 2000: на пути к культуре мира и ненасилия // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «От стереотипов войны к идеалам мира через культуру и образование». – М.: Элит-клуб, 1998. – С. 234-238;
65. Ройтер В. Сила логики должна превалировать над логикой силы / Москва на пути к культуре мира // Комитет общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы; Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО. – М., 1999. – С. 25-27.
66. Самборук Л.А. Экономия языковых средств в контексте бытового общения (на материале английского языка) // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Самара: Изд-во «Центр периодических изданий», 2018. – Вып. 3. – С. 79-85.
67. Семиотика скандала // Сборник статей. Ред.-сост. Нора Букс. – М. : Издательство «Европа», 2008. – 584 с.
68. Скрынник В.Н. Толерантность и ксенофобия. Смысл и реальность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика», 2017. – № 1. – С. 26-34.
69. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2000. – Т.2. – С. 386.

70. Смагина Е.С. Языковые средства воздействия в интернет-коммуникации: выпускная квалификационная работа магистра. Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2017. – 82 с.
71. Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал, 2011. – № 2 (6). – С. 15-24.
72. Степаненкова В.М. Понятие социального конфликта в теории Р. Дарендорфа // Социологические исследования, 1994. – № 5. – С. 141-142.
73. Тишкевич Э.В. Социальный конфликт в контексте научного анализа // КАНТ, 2020. – № 3 (36). – С. 185-191.
74. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста / Языковые конфликты и проблемы языковой экологии // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 127-140.
75. Туринцева Е.А., Решетникова Е.В. Биосоциальный человек и возможные направления антропосоциальной эволюции // Знание. Понимание. Умение, 2016. – № 2. – С. 86-100.
76. Ухтомский А.А. Доминанта. – М.-Л. : Наука, 1966. – 272 с.
77. Фридман В. Национализм и ксенофобия: социальные причины и психологическая основа явления выбора [Эл. ресурс]. URL: http://scepisis.net/library/id_1594.html (Дата посещения: 22.02.2022)
78. Черножук Ю.Г. Развитие конфликтологических идей // Психология Конфликта и медиации (конспект лекций). <https://lektsia.com/4xbb1f.html> (Дата посещения: 02.02.2020).
79. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.
80. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / Общественные науки и современность, 2003. – № 2. – С 17-32.
81. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
82. Шмелева Т.В. Канцелярит и другие языковые недуги // www.library.krasu.ru/ (Дата посещения: 23.11.2023)
83. Эко У. Философские языки от Просвещения до наших дней // Поиски совершенного языка в Европейской культуре. – СПб., 2009. – С. 300-323.
84. Эмпедокл (Фрагменты в стихотворном и прозаическом переводе) // Якубанис Г.И. Эмпедокл философ, врач и чародей : Данные для его понимания и оценки. – Киев : тип. Имп. Ун-та св. Владимира, АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1906. – С. 73-134.
85. Abbott, A. Reflections on the Future of Sociology // Contemporary Sociology, 2000, Vol. 29. No. 2, P. 296-300.
86. AbuSa'aleek A.O. Internet Linguistics: A Linguistic Analysis of Electronic Discourse as a New Variety of Language // International Journal of English Linguistics. 2015. Vol. 5. №. 1. P. 135-145.
87. Asaro, V. Frank. Universal Co-opetition: and How it Can Save Our Finances, Our Families, Our Future and Our World. Bettie Youngs Books, 2012, 168 p.
88. Bernays, E.L. The Engineering of Consent, Univ. of Oklahoma Press, 1955, 248 p.
89. Boulding, K. Conflict and defense, a general theory, New York, Harper & Row, 1963, 349 p.
90. Buchanan, J.M., Tullock, G. *The calculus of consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy* – Univ. of Michigan Press, Ann Arbor, 1962, 361 p.
91. Dahrendorf R. Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts // Dahrendorf R. Gesellschaft und Freiheit. München, 1965, S. 206.
92. Delormel, J., Projet d'une langue universelle présenté a la convention nationale, Paris: 1795, 50 p.
93. Feldman, M., Cavalli-Sforza, L. Cultural and biological evolutionary processes, selection for a trait under complex transmission. Theoretical Population Biology, 1976, №9, Pp. 238-259.
94. Forgiveness and reconciliation: religion, public policy, and conflict transformation / Ed. by R.G. Helmick, R.L. Petersen, Radnor, Pennsylvania: Templeton Foundation Press, 2002.
95. Handbook on building cultures of peace / Ed. by J. de Rivera, New York: Springer, 2009.
96. Herman, E., Chomsky, N. Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media. New York, Pantheon Books, 1988, 412 p.

97. *Joas H.* Durkheim's Intellectual Development. The Problem of the Emergence of New Morality and New Institutions as a Leitmotif in Durkheim's Oeuvre // *Emile Durkheim: sociologist and moralist / ed. by S.P. Turner.* L.; N.Y.: Routledge, 2015 [1993], P. 229-245.
98. *Lippmann, W.* Public Opinion. Harcourt, Brace & Co., New York, 1922, 427 p.
99. Peace and reconciliation: In search of shared identity / Ed by S.C.H. Kim, P. Kollontai, G. Hoyland, Hampshire: Ashgate Publishing, 2008.
100. Online Etymology Dictionary by *Harper, Douglas R.* // <https://ru.wiktionary.org/wiki/consent/>; Консент: основные принципы и применение в повседневной жизни. <https://napikape.ru/>; Консент: важный аспект сексуальных отношений и согласия. <https://ru.anyquestion.info> (Дата посещения: 11.11.2023).